

ОБРАЗОВАНИЕ ДВОРЯНКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Л. А. Бровкина

Старооскольский медицинский колледж 309511, Белгородской обл. г. Старый Оскол,
ул. Пролетарская, 108, e-mail: medcollege@oskolnet.ru.

Данная статья посвящена проблемам и формам образования провинциальной дворянки во второй половине XIX века. В этот период образование определяло жизненные перспективы дворянской женщины и зависело от уровня благосостояния её родителей. В статье подчёркивается мысль о том, что в Центрально-Чернозёмном регионе среди мелкопоместного дворянства преобладало домашнее образование. Грамотность дворянских женщин составляла 70%, в то время как среди мужчин – 77%, что разрушает миф о всеобщей высокообразованности российского провинциального дворянства.

Ключевые слова: дворянка, женщина, культура, образование.

В свете повышенного внимания, которое уделяется в современных исследованиях по истории отечественной культуры XVIII – XX веков изучению культуры российской провинции, специального анализа заслуживает проблема исторической реконструкции культурного образа провинциальной дворянки. С учетом отмечаемого С.О.Шмидтом «взаимовлияния» столичной культуры и культуры провинции в рамках феномена «так называемой усадебной культуры» можно предложить особую роль провинциальной дворянки в деле воспроизводства культурного этоса российского дворянства конца XIX века.

Особую актуальность это приобретает при анализе переломных эпох, какой и является пореформенный период. Именно в такие эпохи реформ, когда меняются политические и социально – экономические ориентиры, идёт заметное изменение в структуре высшего сословия, что прямым образом влияет на положение женщины в этом сословии. Традиционно в советское время приоритет отдавался исследованию образования в среде пролетариата и крестьянства. Быт, традиции дворянства, культура положение дворянского мужчины и дворянской женщины в структуре высшего сословия является наименее исследуемой тематикой в отечественной историографии, не смотря на доминирующее положение дворянства во всесословной структуре российского общества пореформенного периода. Наряду с этим дворяне оставили заметный след в общественной жизни, приобрели авторитет как благотворители и меценаты, многое сделали для развития национальной культуры.

В России второй половины XIX века получение образования становилось фактом биографии многих дворянских женщин, как столичных, так и провинциальных. В начале XIX века, по мнению Ю.М. Лотмана, различались три «вида женского образования» – институтское, пансионское и домашнее [13, 86]. В контексте изучения особой роли женщины в дворянской сословной культуре России второй половины XIX века феномен женского образования может стать предметом самостоятельного культурологического и исторического исследования. Природа, содержание и свойства этого феномена не подлежат однозначному научному истолкованию ввиду имевшей место в действительности исторически обусловленной сопряженности образования и культуры.

Во второй половине XIX века наличием образования во многом определялись жизненные перспективы и культурный облик русской дворянки. К этому времени относилось окончательное создание в России системы женского институтского образования, которое стало одним из атрибутов дворянской сословной культуры. В государст-

венных учебных заведениях происходило усвоение дворянкой стандартного набора знаний и навыков, более или менее пригодных для последующего применения в реальных жизненных ситуациях. Обучение являлось неотъемлемой составной частью процесса формирования ее позитивного культурного опыта.

Рассмотрим уровень образованности дворянской женщины на примере Курской губернии, проведя анализ на основе первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Следует иметь в виду, что в пореформенной России с невысоким уровнем образования в провинции грамотными считались лица, умеющие только читать. Так по результатам переписи 1897 года, число грамотных среди населения Курской губернии достигало 387401 человек (включая лиц обоего пола городского и сельского населения), что составляло 16,3% от общего числа [17, 6].

Если сравнить уровень грамотности среди мальчиков и девочек, то среди последних он был значительно ниже. Причины были разные, прежде всего экономические: большая часть населения не имела финансовой возможности для обучения девочек. Значительную роль играло и существовавшее предубеждение против обучения девочек грамоте. Это было связано в значительной степени тем, что грамотность девочек в глазах основной массы населения не была связана с ближайшей практической пользой, как это наблюдалось при обучении мальчиков. Анализ грамотности всего населения Курской губернии не даёт чёткого представления об уровне образованности дворянства данного региона, тем более женской его половины, так как в общем числе жителей данной губернии дворянство составляло 2,47% (в Курске и Белгороде – 4, 67%, в прочих городах – 2,34%, в селениях – 0,40%).

Более подробно рассмотрим показатели грамотности в дворянском сословии Курской губернии; данные переписи показывают, что среди дворян мужчин грамотность составляет 76,77%, а среди дворянских женщин – 69,88%. Сравнивая эти цифры с показателями образованности по другим сословиям, мы видим заметный отрыв в образованности дворянства от других сословий, за исключением духовенства.[17. 6]

Табл. 4. Грамотность у мужчин и женщин разных сословий Курской губернии

Сословие	Муж.	Жен.
Дворянство и чиновники	76,77	69,88
Сельское сословие	23,98	3,89
Городское сословие	58,23	36,49
Духовенство	79,58	63,73
Прочие сословия	42,04	23,67

Такой показатель женской дворянской грамотности говорит о том, что в пореформенной Центрально – Чернозёмной провинции далеко не каждая дворянка была грамотной. Можно предположить, что наибольшее число необразованных дворянок было в мелкопоместной среде. Мелкопоместный дворянин не имел финансовых возможностей, чтобы дать образование своим дочерям, чаще всего их обучали в домашних условиях. Наиболее внимательно к женскому образованию относились в еврейских семьях, что обеспечивало более высокий уровень у еврейских женщин. Курское дворянское собрание даже рассматривало вопрос о ограничении доступа еврейских девушек в женские средние учебные заведения, так по словам депутата Маркова это «совместное обучение и близкое соприкосновение наших дочерей и сестёр должно безусловно оказать на них, а следовательно и на будущее семьи, матерями которых они являются, - зловерное и растлевающее влияние». Остановившись на роли еврейки в современном обществе, Марков находит, «что еврейка всё ближе и теснее втирается в русскую среду, оставляя свой специфический след, и эта близость нередко приводит к бракам Русских на еврейках».

Рассмотрим основные формы обучения дворянок в пореформенной России.

Наиболее престижной и дорогостоящей формой обучения дворянок было институтское обучение. Помещенные в Смольный институт дворянские девушки составляли «четыре возраста» [13, 73] каждому из которых соответствовал определенный цвет выдававшейся им форменной одежды: первому (с шести до девяти лет) – «кофейный», или коричневый, второму (с девяти до двенадцати лет) - голубой, третьему (с двенадцати до пятнадцати лет) «сероватый», четвертому (с пятнадцати до восемнадцати лет) белый. По «Уставу воспитания благородных девиц» дворянки «первого возраста» должны были начать изучение основного набора дисциплин, в состав которых входили следующие: «1. Исполнение закона и катехизис. 2. Все части воспитания и благонравия. 3. Российский и Иностранный языки. 4. Арифметика. 5. Рисование. 6. Танцевание. 7. Музыка вокальная и инструментальная. 8. Шитьё и вязание всякаго рода». Учебная программа воспитанниц «второго возраста», помимо перечисленных, включала в себя такие дисциплины, как география, история, «некоторая часть экономии, или домостроительства» [1, 11].

При этом некоторые практические аспекты организации обучения в «Воспитательном обществе благородных девиц» могли выходить за рамки предписаний Устава, так наличие у юной особы элементарных знаний и навыков в области русского и некоторых иностранных языков не только являлось необходимым условием её дальнейшего обучения, но и как бы предопределяло его последние приоритеты.

Существенное место в программе институтского образования дворянки, начиная с первых лет её пребывания в «Воспитательном обществе благородных девиц», занимало изучение разнообразных филологических дисциплин: литературы французской, русской, немецкой и грамматики. Познавательный диапазон воспитанниц Екатерининского института, в основном, определялся освоением тех же предметов, что и в Смольном институте, а именно: закона Божьего, российской, французской и немецкой словесностей, арифметики, географии, истории, искусств и рукоделий. Причем из девяти наименований три были связаны с филологией. Аттестат, выданный 27 февраля 1841 года Любови Ивановне Суворовой по случаю окончания «Училища Ордена Святыя Екатерины», не только свидетельствует о том, какие предметы и насколько успешно были освоены ею за время обучения, но и представляет определенный интерес с точки зрения характеристики в целом общего образовательного уровня дворянской женщины конца XVIII - первой половины XIX века: «Совет Училища Ордена Святыя Екатерины сим свидетельствует Что воспитывавшаяся в оном Училище втораго Отделения девица Любовь Ивановна Суворова при довольно хорошей нравственности оказала успехи в Законе Божиим весьма хорошие Российской Словесности весьма хорошие Французской Словесности хорошие Немецкой Словесности весьма хорошие Арифметике хорошие Географии весьма хорошие Истории весьма хорошие Искусствах довольно хорошие Рукоделиях весьма хорошие... в удостоверение чего дан девице Суворовой сей Аттестат за подписанием Г-жи Начальницы и Членов Совета с приложением печати Училища». При этом обращает на себя внимание применявшаяся, в частности, в Екатерининском институте своеобразная шкала оценки поведения и знаний воспитанниц как «весьма хороших», «хороших» и «довольно хороших».[13, 95]

По мнению Ю.М.Лотмана, языковая подготовка составляла единственное «исключение из в целом «поверхностного» обучения дворянских девушек в Смольном институте» [13, 90].

Девушки из менее богатых и знатных дворянских семей обучались в женских училищах, которые существовали в провинциальных городах.

Так в Воронежском женском училище первого разряда «число обучающихся простиралось до 200 – в том числе из дворянского сословия 145, из духовного 5 и только 50, то есть четвёртая часть, принадлежат к сословию собственно так называемому городскому. Из стипендиатов, обучающихся на счёт купеческого капитала, только 5 принадлежат к городскому сословию, а 25 к дворянскому» [4, 37].

Обучение в таких заведениях напоминает обучение в столичных институтах, но, разумеется, было менее качественное и престижное.

В Воронежском училище для девиц духовного звания преподавались следующие предметы [4, 37]:

- 1) пространный катехизис преосвященного митрополита московского Филарета;
- 2) священная история ветхого и нового завета;
- 3) литургия;
- 4) чтение на русском и славянском языках и русская каллиграфия;
- 5) первая часть арифметики и исчисление на счётах;
- 6) русская грамматика, составление лёгких сочинений в виде рассказов и разного рода писем;
- 7) русская грамматика и переводы с славянского языка на русский;
- 8) русская история и русская география в кратком виде;
- 9) всеобщая история и география в кратком виде;
- 10) обиходное и партесное пение;
- 11) рукоделье: шитьё платья и вязание всего необходимого для воспитанниц в училище; также разного рода вышивание нитками, гарусом и шёлком [3, 2].

Кроме того воспитанницы практически изучали хозяйственную часть и отчётность. «В старших классах по возможности сообщались воспитанницам здравые понятия о хождении за детьми, о их физическом и нравственном воспитании, о хождении за больными, о свойствах и употреблении различных врачебных средств, как то врачебных средств, как то врачебных растений и других, которыми удобно можно пользоваться за отсутствием врача» [3, 2].

По окончании полного курса учения воспитанницам выдавалось «свидетельство о поведении и успехах в науках и рукоделье, а лучшим даются аттестаты с предоставлением им права открывать народные женские школы на тех же условиях, на которых существуют народные мужские школы». В аттестате выпускницы Грайворонской женской прогимназии дворянки Людмилы Михайловны Яськевич перечисляются предметы такие же как и в других женских гимназиях: Закон Божий, русский язык, математика, география всеобщая и русская, история всеобщая и русская, физика, математическая география и «из всех сих предметов получила в общем среднюю отметку 4 4/4. Затем чистописанию и рукоделию обучалась с отличными успехами. Сверх того из необязательных предметов гимнастического курса она обучалась педагогике с отличными, рисованию с удовлетворительными пению с хорошими» [6, 2]. Получив такой аттестат девушка могла работать «домашней учительницей». В дополнение к аттестату имелось примечание, в котором говорилось, что «после окончания каждого года занятий воспитанием детей в частном доме, наставница или учительница обязана представить Директору училища отчёт о своих занятиях, одобрительные о себе свидетельства от Уездного Предводителя Дворянства того уезда, где будет находиться на жительстве» [6, 2]. Домашняя наставница или учительница, если будет точно соблюдать эти правила, получит возможность, по выслуге в этом звании не менее двадцати лет, воспользоваться пенсией или вступить в дом призрения бедных девиц благородного звания на казённое содержание. В 1863 году в Воронеже было открыто женское училище второго разряда, «близко приспособленное для детей недостаточных родителей среднего класса городского общества». В нём также преподавался закон Божий, русский язык, русская история и география, арифметика, чистописание, рукоделье.¹⁸ В таких учебных заведениях обучались девушки из разных сословий, проанализировав социальный состав выпускниц Грайворонской женской прогимназии видно, что обучались дочери крестьян, псаломщиков, сельских учителей, мещан, писарей, купцов, учителей народной школы.

Анализ материалов воронежского и курского областных архивов позволяет предположить, что в среде мелкопоместного черноземного дворянства было

распространено обучение мальчиков в кадетских корпусах. В Государственном архиве Воронежской области находится большое количество прошений об определении малолетних дворян в Михайловский кадетский корпус. В силу чего можно утверждать, что мелкопоместные дворяне-мальчики, в отличие от юных дворянок получали образование за счёт государства, так как находились в кадетских корпусах на полном государственном обеспечении. Девочки из провинциальных мелкопоместных дворянских семей имели чаще всего домашнее воспитание, требовавшее меньших финансовых затрат.¹⁹

Содержательная специфика институтского образования юной дворянки не может быть понята в полной мере без сравнения его с домашним воспитанием, которое получило во второй половине XIX века широкое распространение в семьях провинциального дворянства и должно было, по-видимому, в наибольшей степени отражать качество реального воспроизводства дворянского культурного эпоса. Именно домашнее воспитание, включавшее в себя наряду с собственно «воспитательным» еще и «учебный» аспект, сообразовывалось, прежде всего с собственным представлением родителей о подобавшем их дочери образовании, а это представление определялось помимо прочего обычаями, существовавшими в среде российских дворян, в том числе и живших в провинции.

К ряду основных причин, по которым целенаправленному воспитанию подрастающего поколения придавалось важное значение, следует отнести то обстоятельство, что в рамках традиционной дворянской культуры существовало особое отношение к детям. Это исходило из того, что само понятие «семья» твёрдо ассоциировалось у представителей российского дворянства с её детским контингентом. Поэтому рождение и воспитание детей составляло главный видимый смысл повседневной жизни провинциальных дворян-супругов и являлось как бы важной нравственной ценностью непосредственно внутри самой дворянской семьи.[13, 94]

Родители не стремились к тому, чтобы как-то изолировать от себя детей или, что называется, «сбыть их с рук». Напротив, они считали своим долгом их воспитание и приготовление к «благородному житию». Это выражалось, помимо прочего, в постоянном бытовом общении родителей с детьми, будь то повседневное принятие пищи, когда они сидели за одним столом или семейные вечера в гостиной, когда в полной мере должно было проявляться скромное обаяние жизни в провинциальной дворянской усадьбе, такой как, например, родовое имение Ивня-Троицкое Обоянского уезда Курской губернии графов Клеймихелей: «после ужина мы обычно сидели за рукоделием, а учителя читали нам вслух. Иногда проходили небольшие концерты. У Эллы был прекрасный голос, и мы, четыре сестры, составляли небольшой хор. Элла и Дима к тому же играли на мандолине, а кто-нибудь из взрослых аккомпанировал им на рояле. Я никогда не забуду этих вечерних прогулок... где вы рассказывали какой-нибудь исторический анекдот или сказку, где вы заставляли нас отыскивать редкое у на растение... Помню ещё один лунный вечер: небо было чисто и усеяно звёздами, мы шли по аллею лиственниц в парке. Отец нам рассказывал историю солнца, месяца, туч, грома, молнии и т.д., но и учил нас самому главному – любить своё Отечество и служить ему, чтить свою «малую родину» и сохранять трогательное благоговение перед ней да и какое лекарство может сделать более пользы как воздух той стороны где ты родилась?), ценить свою семью, родных и близких людей, и проносить через всю жизнь, составлявшую незабываемый «аромат» детских лет эмоциональную атмосферу домашнего тепла «родового гнезда», а позднее воссоздавать ее по возможности для собственных детей с тем, чтобы единая нить культурной традиции никогда не могла быть прервана» – вспоминала Ольга Константиновна Воронова, урождённая графиня Ольга Константиновна Клеймихель в сборнике мемуаров «Потрясение».

Родители были первыми наставниками своих детей и в таком важном нравственно-духовном вопросе воспитания как вероучения. Н.М. Карамзин в повести «Ры-

царь нашего времени» показывал, что от матери ребенок впервые узнавал о существовании Бога, именно она учила его молиться: «Мысль о Божестве была одною из первых его мыслей. Нежная родительница наилучшим образом старалась утвердить ее в душе Леона. Срывая для него весенний луговой цветок или садовый летний плод, она всегда говорила: «Бог дает нам цветы, Бог дает нам плоды!» - «Бог! - повторил однажды любопытный младенец. - Кто он, маменька?» - «Небесный Отец всех людей, который их питает и делает им всякое добро; который дал мне тебя, а тебе меня». - «Тебя, милая? Какой он добрый! Я стану всегда любить его!». - «Люби и молись ему всякий день». - «Как же ему молиться?» - «Говори: Боже! будь к нам милостив!» - «Стану, стану, милая!..» Леон с того времени всегда молился Богу». [1, 13] Зароненные в восприимчивую детскую душу «семена» веры со временем давали «всходы». Описанный Н.М. Карамзиным случай чудесного спасения юного героя от медведя во время грозы должен был еще больше укрепить его в православной вере и оградить от пагубных веяний, распространявшихся, по-видимому, в конце XVIII - XIX веке - среди некоторых представителей образованного российского общества, во многом, под влиянием знакомства с произведениями западноевропейской материалистической философии: «Леон стоял все еще на коленях, дрожал от страха и действия электрической силы; наконец устремил глаза на небо, и, несмотря на черные, густые тучи, он видел, чувствовал там присутствие Бога - Спасителя. Слезы его лились градом; он молился во глубине души своей, с пламенною ревностью, необыкновенною во младенце; и молитва его была... благодарность! - Леон не будет уже никогда атеистом, если даже прочтает и Спинозу, и Гоббса, и «Систему натурь». [1, 11]

Вместе с родителями дворянские дети проделывали свои первые шаги в деле религиозного благочестия, постились, читали Евангелие, исповедовались, - как это было, например, в семье дворян Мухановых, владевших имением Весёлая Лопань в Белгородском уезде Курской губернии: «Потом наступал великий пост, и мы вместе с вами говели, и страстная неделя имела для нас что-то неизъяснимое, торжественное... Эта святая торжественность, нарисованная на вашем лице, эти черные ризы, эта мрачная и грустная служба, поздние всенощные... После всенощной мы приходили в гостиную, которая не была еще освещена, Варенька садилась за фортепьяно и брала аккорды, вы говорили нам о страданиях, о Божественной святости Спасителя... Потом, когда подавали свечи, мы вместе читали Евангелие...наступала среда, и мы вместе исповедовались и после исповеди собирались вечером к ужину и было так тихо, так свято, так торжественно... Мы не понимали тогда, но чувствовали, что совершается что-то великое... Вы, маменька, сестры, все мы были в одной комнате; тут не было никого постороннего, никто не разрушал своим неуместным присутствием этой святой гармонии, все это слилось, неразрывно с нашей жизнью!..».

Надо сказать, что религиозные традиции в дворянском воспитании были непоколебимо сильны на протяжении всего пореформенного периода, как и в крестьянской среде, что нельзя сказать о городском сословии. По-видимому, азы воспитания, в том числе и религиозного, дворянская девочка начинала, в буквальном смысле слова «впитывать с молоком матери». В отношении кормления женщинами своих новорожденных младенцев следует отметить, что в течение исследуемого нами исторического периода ситуация существенно изменилась в сравнении с XVIII веком.

В повести Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени» содержится указание на принципиально иной порядок вещей: «Тогда не было еще «Эмиля», в котором Жан-Жак Руссо так красноречиво, так убедительно говорит о священном долге матерей... тогда не говорил еще Руссо, но говорила уже природа, и мать героя нашего сама была его кормилицей». Не скрывая своего позитивного отношения к этому явлению, Николай Михайлович Карамзин, вместе с тем, дает понять, что оно не имело достаточно широкого распространения в описываемую им эпоху: «Итак, не удивительно, что Леон на заре жизни своей плакал, кричал, и не мог реже других младенцев: молоко нежных родителей есть для детей и лучшая пища и лучшее лекарство»[1, 7]. При этом, исходя из

его повествования, можно предположить, что в более поздний период, уже в конце XVIII века, женщины-дворянки часто сами кормили своих детей, в том числе и под влиянием знакомства с выше упомянутым известным произведением Ж.-Ж. Руссо. Во второй половине XIX века, как показывает пример Надежды Александровны Барятинской кормление дворянской матерью новорожденной дочери должно было восприниматься провинциальным сознанием как нечто вполне естественное. В одном из писем Надежды Александровны к мужу Владимиру Анатольевичу упомянуто о таком элементе ухода за ребёнком как прогулка по саду, которую младенец мог совершать на коляске: «Пожалуйста привези мне колясочку для Валериньке теперь нам Анниной нельзя пользоваться, потому что она нужна ей детям и бедного Валерю надо тоскать по саду в руках, что для него совсем нездорово пожалуста милой Николай привези, купи в Курске или в Москве, чтобы только была крепка и надёжна...».[1, 8] Следовательно, можно предположить, что провинциальная дворянская девочка с детства росла, что называется, «на лоне природы», и именно общение с природой с ранних лет должно было составлять как бы особый аспект ее воспитания.

Во второй половине XIX века можно было наблюдать, что родители могли иметь разные представления о том, как надлежит обращаться с детьми: «Мое равнодушие к детям которое столько тебе не нравилось, не похоже на меня, ни на мой образ мыслей, оно мне не сродно; но я старался уметь приобрести его единственно для того, что бы наши дети или лучше мы сами чрез них не отравили ту часть жизни нашей с которой только мы жить собираемся, мне хотелось бы, чтобы я любил сыну делать добро, помочь ему, когда надобно, любоваться им, когда он любезен, жалеть его когда он несчастлив, но не бегать на всякой крик, не беспокоиться всяким его каприсом и словом беспрестанным; его няньчиньем непристраститя так, что бы его и крик, и припадок были безпокоиство в доме и в душах наших. Тебя милый друг, воображал я матерью благоразумною которая детям будет рассудительно делать добро а не всегдашним и без предельным добром их несчастье...». [1, 11] При этом дворянская женщина, на которую ложилась основная забота о воспитании ребенка, особенно, если муж ее находился на государственной службе, относилась к этому, по-видимому, со всей свойственной вообще ее мировосприятию эмоциональностью, в отличие от мужчины, подходившего к данному делу как бы с рациональных позиций. Важно отметить, что в других сферах повседневной жизни, связанных, например, с ведением хозяйства, отстаиванием владельческих интересов, дворянка могла действовать не менее «рационально», чем дворянин. Но в том, что касалось воспитания детей (в силу, вероятно, особой ценной значимости для неё этого занятия), эмоциональное начало оказывалось преобладающим. Для русских провинциальных дворянок-сестёр XIX века, живших в сельской усадьбе, воспитывавших собственных детей вместе и приучавших их с детства к тесному родственному общению, могли казаться привлекательными некоторые идеи французского сентиментализма, в том числе и нашедшие отражение, в произведении Бернардена де Сен-Пьера, а именно: тихая деревенская идиллия, жизнь «на лоне природы» вдали от «цивилизации» и светского общества: «у Поля и Виргинии не было ни часов, ни календарей, ни летописей, ни исторических, ни философских книг». [1, 11]

Вся жизнь их распределялась во времени применительно к жизни природы («Если скандальная жизнь общества не давала пищи их разговорам, то жизнь природы наполняла их восхищением и радостью»), особое влияние матери на становление личности ребенка, человеколюбие и приверженность добродетели («Взаимная любовь и любовь матерей составляла всю деятельность их душ»).

Однако процесс домашнего воспитания и образования юных дворянок XIX века часто оказывался делом сложным, не сводимым только к усвоению знаний, получавшихся ими от родителей и наёмных учителей Жизнь дворянской девочки из провинции с ранних лет протекала «в усадьбе, территориальное пространство которой являлось как бы своеобразным «полем пересечения» различных аспектов русской культуры того времени, а именно: «социального» и «природного», «дворянского» и «крестьянского», «исконного» и

«заимствованного». Переплетение и взаимосвязь этих аспектов, несомненно, должны были оказывать специфическое влияние на формирование культурного облика провинциальной дворянки. Так, родившаяся в Орле Анна Петровна Полторацкая, по первому мужу Керн (1800-1879), «с 8 лет до 12-го года» воспитывалась в имении своего деда Ивана Петровича Вульфа - в усадьбе Берново, а племянница А.А.Фета Ольга Шеншина часть детства провела в имении Степановка, принадлежавшему её дяде, известному поэту. Содержательница частного московского пансиона, где воспитывалась племянница поэта, зная о её богатстве, уговорила девушку выйти из под опеки дяди и перейти под её попечительство. Фет тяжело переживал поступок Ольги Шеншиной, и жизнь на хуторе стала для него невыносимой, так как всё напоминало о Ольге, которая любила гостевать также и в имении Воробьёвка Курской губернии.

В этой связи рассмотрим роль воспитательной среды дворянской усадьбы, её влияние на формирование дворянских детей, в том числе и девочек. Условно связь дворян с усадьбой можно разделить на три периода:

1. Детство (от рождения до отрочества ребёнок находится в усадьбе на попечении родителей и дворни).
2. Зрелость (молодые дворянки обучались в закрытых учебных заведениях, выходили замуж, богатые дворяне жили в столице).
3. Старость (возвращение дворян в лоно природы достойно встретить успокоение). [10, 263]

Изучение быта и жизни дворянских усадеб Черноземного региона XIX века позволяет сделать вывод о том, что внутри каждой усадьбы была создана своя особая микрокультура и царил неповторимый воспитательный дух домашнего очага. В них присутствовала оригинальная среда, существовавшая по своим законам, хотя и было нечто общее, объединяющее такие разные имения: образ жизни и воспитания. Домашнее воспитание в дворянской усадьбе складывалось на протяжении длительного времени, впитав в себя народные черты, приобщившись к русской национальной духовной культуре.

Сложившаяся в усадьбе система домашнего воспитания характеризуется образом жизни, образованными людьми, элементами высшей эстетики, архитектурой, садово-парковой культурой, библиотеками, а также соприкосновением сословий дворян и крестьянского сословия.. [10, 263]

Многие черноземные усадьбы, среди них Ивня-Троицкое Клеймихелей, Рамонь Ольденбургских, Воробьёвка Фета, Новоживотинное Веневитиновых были тщательно продуманы. Они создавались талантливыми архитекторами с учётом природных особенностей, а также мировоззрения заказчика, его склонностей и вкуса. Черноземные усадьбы крупнопоместных дворян величественные архитектурные памятники украшенные садово-парковыми комплексами.

Сад в сознании русского человека ассоциировался с представлением о рае, о саде Эдемском. Поэтому на русских землях издревле получила развитие садовая традиция, связанная с монастырскими и княжескими садами. Образы, относящиеся к саду: деревья, кусты, цветы, птицы «принадлежали к первому ряду в иерархии эстетических и духовных ценностей Древней Руси», - замечает Д.С.Лихачёв. [12, 202] К дошедшим из глубины веков садовым традициям добавляется нечто новое – искусственные вкрапления из отдельных построек и скульптур, которые в прочем находятся в гармонии с окружающей средой и лишь подчёркивает естественную красоту последней, её эстетическую ценность. Любая скульптура или сооружение в парке наделяется особым смыслом, одухотворяется, приобретает некое особое содержание.

Таким образом, создавалась миниатюрная «модель мира» в усадьбе, и каждый гуляющий по парку любовался красотами природы и зодчества, слитыми воедино, и проникался всепоглощающим чувством восхищения окружающей обстановкой.

В усадьбе большое воспитательное влияние оказали картины и другие предметы искусства. В своих усадьбах высочородные господа собирали художественные коллек-

ции, способные соперничать с царскими. Примером тому может послужить коллекция Барятинских в усадьбе Марьино. Начало коллекции положил И.С.Барятинский, служивший посланником России во Франции. Его сын Иван Иванович, получивший высшее даже по европейским меркам образование, продолжил дело отца, имея достаточно средств и связей для приобретения понравившихся ему картин. «Его фамильная портретная галерея включала портреты Чернышевых, Келлеров, Нарышкиных, Гольштейн - Беков, Воронцовых - предков и ближайших родственников князя...».[12, 202]

Позднее в картинной галерее Марьино прибавятся реликвии, связанные с Кавказской войной... несколько картин, написанных Т.Горшельтом, находившемся при русском штабе, вазы с изображением Георгиевского ордена и фамильного герба Барятинских, личные вещи фельдмаршала...», - описывает М.Звягинцева. [8, 12] В картинной галерее Марьино находились также произведения западноевропейского искусства, приобретённые князем в Италии. Несколько картин написали по заказу Барятинского Антонио и Фёдор Бруни. Всего в собрании И.И.Барятинского находилось около двадцати тысяч гравюр и рисунков, выполненных русскими и иностранными мастерами (в том числе Ребрандтом, Тицианом, Гвидо, Рени, Гольдбейном). Кроме произведений живописи, князь привёз из Рима бюсты античных философов для украшения Марьинского дворца, а также статуи античных богов Аполлона и Венеры.

Большое воспитательное влияние на детей в усадьбах Черноземных дворян оказывала церковь. Роль религиозного мировоззрения в системе духовных ценностей того времени значительна. В Курских поместьях в конце XVIII – первой половине XIX века начинается активное строительство усадебных храмов, которое не прекращалось до начала XX века. Церковь много значила в общем повышении грамотности среди помещиков и помещиц. Зачастую дворянские дети познавали грамотности по псалтырю или часослову. Исходя из этого можно считать усадебную церковь местным центром духовного просвещения в конце XIX века.

С первой половины XIX века складывается типовая структура усадебного комплекса с делением всего пространства усадьбы на несколько функциональных зон: жилую, парковую, хозяйственную и, несомненно, – культовую.

Возможно, корни этой традиции следует искать в патриархальном укладе, всеобщей набожности, ведь в любой избе-хате найдётся уголок, где висят иконы и лампадка. Дворяне же воплотили этот обычай на более высоком уровне, строя в своих имениях целые храмы. И это явление охватило не только богатейших дворян, почти в каждом имении была своя небольшая церковь.

Таким образом, в пространстве дворянской усадьбы Чернозёмного региона можно выделить две архитектурные и смысловые доминанты. Воплощением светскости, столичности, «средоточием жизни» и порядка был господский дом. «Второй доминантой», выражением духовной сути усадьбы, являлась церковь. Даже если в имении А.А.Фета – Воробьёвке не было усадебного храма, это не говорит об атеистических взглядах хозяина, просто в нескольких километрах от усадебного дома находился весьма известный в Курске храмовый комплекс. «С опушки виднелась вдали колокольня Знаменского Коренной пустыни Монастыря ... Чудотворный Образ Знаменья Пресвятой Богородицы, вывезенный из России, особенно нам дорог... мы все благоговейно приветствовали святую икону...» - так описывает свой визит в усадьбу А.А.Фета, его племянник С.Д.Боткин. [2, 14]

Действительно, религиозное воспитание дворянских детей, особенно девочек, было важной частью их духовно-нравственной культуры о которой говорилось выше.

Центром светского дворянского воспитания юной дворянки в усадьбе была семья. Конечно, нельзя подводить под один шаблон все дворянские семьи, отношения внутри каждой из них определялись, естественно, личными качествами её членов. Но как отмечает О.С.Муравьёва: «Во всём многообразии дворянского семейного быта просматриваются некоторые общие черты. С одной стороны, воспитание ребёнка совершенно беспорядочно: няни, гувернёры, родители, бабушки и дедушки, старшие братья и сёстры, близкие и дальние родственники, постоянные друзья дома – все воспитывают его по своему усмотрению и по мере же-

лания. С другой стороны, он вынужден подчиняться единым и достаточно жестким правилам поведения, которым, сознательно или несознательно, учат его все понемногу. Такая ситуация могла сложиться лишь внутри сословного и традиционного общества. Беспорядочность различных влияний на ребёнка нейтрализовалась, во-первых, принадлежностью всех «воспитателей» к одному и тому же кругу общества, придерживающемуся одной культурной традиции; во-вторых, заметной патриархальностью быта, тяготеющего к воспроизводству в каждом следующем поколении прежней, опробованной системы отношений. [15, 184] Зачастую было так, что гувернантка из Лондона или учитель – студент Московского университета составляли домашний мир девочки. Так Эмилия Ивановна Веневитинова жена Михаила Алексеевича Веневитинова после кончины супруга вместе с детьми переезжает в имение Новожиловское Воронежской губернии. Для воспитания и обучения детей иностранным языкам она пригласила англичанку Буль. В итоге в 1887 году в воронежском селе оказалась будущая знаменитая писательница – автор романа «Овод» Этель Лилиан Войнич. На протяжении всего XIX века наёмные учителя играли большую роль в воспитании провинциального дворянства. Наёмными учителями чаще всего выступали иностранцы, в начале XIX века это по преимуществу были французы. «В тысячах французах, наводнивших Россию, конечно, были люди со сведениями, чистые и с чистым нравом, но их было немного; а между тем все остальные подонки заняли места в дворянских семьях и явились образователями ума и сердца не только детей, но и самих их приютивших... корабли, нагружённые гувернёрами и гувернантками, мусьями и мадамами, беспошлинно выгружались в Кронштадте, и вся эта толпа развозилась по государству. Они принимались в дворянские дома без всякой оценки их знаний...». Такая же ситуация в отношении иностранных гувернёров и гувернанток была и во второй половине XIX века. Однако необходимо заметить, что в провинции роль иностранных учителей была менее значимой, чем в столицах. Но многие дворянки знали и другой мир: святочные крестьянские игры, свадьбы дворовых людей, жизнь соседнего цыганского табора. Русская няня и гувернантка «m-lle Бенуа» олицетворяли собой две разные, теоретически едва ли сопоставимые, культурные традиции, результаты, влияния которых должны были, тем не менее, практически «уживаться» вместе в сознании юной дворянки. Девушка из дворянской семьи могла иметь вполне отчетливое представление об особенностях народного быта и нравов, могла, судя по словам А.П. Керн, многие могли лучше владеть иностранным языком, нежели родным: «Все предметы мы учили, разумеется, на французском языке, и русскому языку учились только 6 недель во время вакаций, на которые приезжал из Москвы студент Марчинский».[11, 256] Отдельные элементы отечественного культурного наследия усваивались ею, главным образом, интуитивно, в отличие от области собственно «знаний», которые подлежали более или менее систематическому изучению под руководством педагога-иностранца. Особую роль в процессе домашнего образования юной дворянки играло чтение («...мне удавалось удовлетворять своей страсти к чтению, развившейся во мне с пяти лет». Предмет которого определялся, как видно из воспоминаний А.П. Керн, имевшимся в усадебной библиотеке выбором книг, представленных, вероятно, в значительной мере французскими авторами: «У нас была маленькая детская библиотека с m-me Genlis, Ducray-Duminil и другими, и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали. Любимые сочинения были: «Les veilles du chateau», «Les soirees de la chaumiere».[11, 267] Упоминание Анной Петровной Керн об особенности восприятия ею прочитанного может свидетельствовать о характере влияния, которое оказывало знакомство с зарубежной литературой того времени на формирование культурного облика дворянской девочки: «Встречая в читанном скабрзные места, мы оставались к ним безучастны, так как эти места были нам непонятны. Мы воспринимали из книг только то, что понятно сердцу, что окрыляло воображение, что, согласовано было с нашею душевною чистотою, соответствовало нашей

мечтательности и создавало в нашей игривой фантазии поэтические образы и представления. Грязное отскакивало от наших душ. Они всасывали в себя только светлую непорочную поэзию».[11, 280] Все крупнопоместные дворяне в своих усадьбах имели большие библиотеки, богатые разнообразными книгами, существовала так же «женская библиотека». «Женская библиотека» включала литературу романтического характера, а в начале XIX века большой популярностью у слабого пола пользовался «Дамский журнал». В нём дворянки находили много интересной информации о модной одежде и аксессуарах, а также любовные романы и поэзия.

Во второй половине XIX века чтение книг было весьма популярным занятием, особенно для провинциальной дворянки. В провинции чтение было едва ли не единственным развлечением, в отличие от столицы, где были светские обеды, театры.

Таким образом, образование и воспитание провинциальной дворянки во многом зависело от материального благополучия её родителей. Крупно-поместное дворянство имело возможность воспитывать своих детей в самых престижных учебных заведениях, а также нанимать «дорогих» гувернанток из-за границы. Мелкопоместные дворяне, не имея денег на наёмных воспитателей и учителей, были вынуждены сами давать образование своим детям. Семейное воспитание, которое давала дворянка своим детям, было необходимым минимумом для проживания в провинции, занимаясь ведением усадебного хозяйства. Естественно, что провинциальная дворянка, не имевшая возможности выходить в столичный свет, не обладала теми светскими манерами, которыми обладали придворные дамы.

Следует заметить, что на протяжении всего пореформенного периода наблюдается тенденция «разрушения» светских манер дворянства. Этот процесс был вызван социальными изменениями в структуре данного сословия.

Список литературы и источников

1. Белова А. В. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XX века: социокультурный тип. По материалам Тверской губернии: Автореферат дис. канд. культурологических наук.- М., 1999.-19с.
2. Боткин С. Д. Воробьёвка // Изучение жизни и творчества А. А. Фета. – Курск: Издательство КГПУ, 1994.-32с.
3. Воронежские губернские ведомости. – 1864. – №1. – С.2-3.
4. Воронежские губернские ведомости. – 1864. – № 10. – С. 37-42.
5. Воронежские губернские ведомости. – 1863. – №24. –С. 9-12.
6. ГАВО. – Ф.82. – Оп.1. – Д.63.
7. ГАВО. – Ф. 29. – Оп. 1.- Д.823.
8. Звягинцева М. М. Русская усадьба как культурно- исторический феномен. Автореферат дисс. канд. культурологических наук. – СПб., 1997. – 18 с.
9. Жизнь в свете и дома. – М.: Терра, 1997. – 368 с.
10. Каждан Т. П. К вопросу об изучении русской усадьбы // Русская усадьба. – Вып. 1(17). – М.: Наука, 1994. – С. 253-276.
11. Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. – М.: Правда, 1989. – 477 с.
12. Лихачёва Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1086 – 1856). – СПб., 1899. – Ч. 2 . – 301с.
13. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX). – СПб.: Искусство, 1994. – 400 с.
14. Лотман Ю. М. Погосян Е. А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. – СПб.: Пушкинский фонд, 1996. – 318 с.
15. Муравьёва О. С. Как воспитывали русского дворянина. – СПб.: Нева, 2001. – 222 с.

16. Никитин Г. Фет- землевладелец // Дружба народов. – 1995. – №1. – С.137-149.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. В 89 т.- СПб.: Б. издат. 1899 – 1905.
18. Фет А. А. Воспоминания. – М.: Правда,1983. – 496 с.

**THE EDUCATION OF THE NOBILIARI WOMEN IN THE SECOND
HALF OF THE 19-TH CENTURU**

L. A. Brovkina

Sary Oskol Medical college, Proletarskay St., 108, St. Oskol, Belgorod region, 309511, Russia,
e-mail: medcollege@oskolnet.ru.

The article deals with the problems and forms of education of the nobiliary women in the second half of the 19- th century. During this period of the educational level determined the life prospects of the nobiliary women and depended on a standard of well-being of her parents. In the Central Black Ground area the domestic education prevailed among the noblemen, the owners of small estates. Literacy among nobiliary women made up 70 per cent, while among men 77 per cent. These data destroy a myth high educational standards of the Russian of the nobility.

Key words: female nobility, woman, culture, education.